

Цинь Яолян пробыл в доме Е ровно два дня. Уезжал он в полнейшем восторге, прижимая к груди рукопись, над которой Е Цзюньшу, запершись в кабинете, корпел всё это время, выжимая из себя последние соки.

«Боже, как же непросто в этом мире зарабатывать деньги», — изможденно подумал Цзюньшу, проникаясь искренним уважением к авторам, пишущим миллионы слов. За две бессонные ночи он с трудом «выдавил» из себя тридцать-сорок тысяч иероглифов. По крайней мере, перед старшим братом долг был исполнен, а уж какой в итоге выйдет книга — Е Цзюньшу оставалось только ждать.

Сбросив этот груз с плеч, он почувствовал облегчение. Вопрос с постоянной работой всё еще висел в воздухе, но накоплений пока хватало на жизнь. Оставалось только чаще ходить в лес за целебными травами и дичью, а там — будь что будет. Однако в первую очередь нужно было выкупить землю.

Сегодня удача ему улыбнулась: он подстрелил двух диких кроликов. Маленького оставил семье, а того, что покрупнее, взял с собой и в сумерках отправился к старосте.

Дом старосты, как и дом Цзюньшу, представлял собой добротную усадьбу с кирпичными стенами и черепичной крышей, построенную по принципу «два двора». Но здесь жило три поколения семьи, поэтому было куда шумнее и оживленнее. Поскольку по вечерам односельчане часто заходили по делам, ворота были лишь притворены. Цзюньшу постучал, и створка поддалась.

— Дядя Жун, вы дома? — крикнул он.

— Кто там? — донесся мягкий голос, и послышались приближающиеся шаги.

Дверь открыл молодой гэр лет двадцати пяти.

Цзюньшу вежливо поздоровался:

— Здравствуй, гэ-мэ. (Прим. пер.: вежливое обращение к супругу старшего брата).

Это был муж старшего сына старосты.

— А, это Чжоу-цзы, — гэ-мэ отступил, пропуская гостя. — Проходи скорее.

— Дядя Жун у себя?

— Дома, дома. — Проводив Цзюньшу во внутренние покои, он крикнул: — Отец, к вам пришел Цзычжоу!

Затем он обратился к юноше:

— Ступай внутрь, а я вернусь к делам.

Он как раз проходил мимо двора, когда услышал стук, и теперь ему нужно было спешить на кухню помогать аму.

— Спасибо, гэ-мэ.

Внутри была вся семья старосты. Цзюньшу первым делом со всеми поздоровался:

— Дядя Жун, брат Вэнь, Юй-гэр...

— Брат Цзычжоу, — отозвался Юй-гэр.

— Дядя Чжоу-цзы, — не по-детски серьезно поздоровался маленький Цинцин.

Юй-гэр, понимая, что гость пришел к отцу по делу, увел племянника в другую комнату. Цзюньшу протянул затихшего кролика Е Цзюньвэню:

— Брат Вэнь, вот, поймал сегодня. Пусть Цинцин полакомится свежатиной.

— Ну что ты... — Вэнь замялся и посмотрел на отца.

Староста Жун-бо произнес:

— Пришел — и ладно, зачем же дичь нести? К чему эти церемонии между своими.

Цзюньшу улыбнулся:

— Именно потому, что мы свои, я и хочу выразить вам почтение. Вы столько лет помогали нам, братьям, это меньшее, что я могу сделать. — Он всучил кролика в руки Е Цзюньвэню и добавил, глядя на старосту: — Тем более, я пришел просить вас об одной услуге. Если не примете подарок, мне и язык не повернется просьбу озвучить.

Староста кивнул: — Ну хорошо, в этот раз приму.

Сельчане часто приносили ему подарки, когда просили о помощи. Если подношение было не слишком дорогим, он принимал его, а позже его супруг отправлял ответный подарок сопоставимой ценности. Е Цзюньвэнь с улыбкой похлопал Цзюньшу по плечу и унес кролика на кухню.

Староста Жун жестом пригласил Цзюньшу присесть:

— Говори, в чем твоя забота.

— Дело вот в чем. Вы знаете, что несколько лет назад моей семье пришлось продать всю землю. Теперь я хочу выкупить несколько му. Дядя Жун, не знаете ли вы, кто в деревне сейчас продает наделы?

— Доброе дело, — одобрительно кивнул староста.

Когда за спиной есть земля, на душе спокойнее. Братья Е подрастают, и свой надел поможет им крепко стоять на ногах.

— И сколько же ты хочешь купить?

— Я подумываю о том, чтобы земли нам хватало ровно на прокорм, — рассуждал Е Цзюньшу. — Слишком много мы сейчас просто не потянем, так что три-пять му будет в самый раз.

Урожайность нынешних культур, конечно, уступала современной, но Цзюньшу прикинул: если вычесть налоги, то пара урожаев в год с нескольких му вполне обеспечат братьев едой, да еще и небольшой запас на черный день останется.

Староста Жун кивнул:

— Я поспрашиваю людей. Как только разузнаю что-нибудь, сразу дам тебе знать.

— Вот и славно, спасибо вам за заботу, дядя Жун, — с улыбкой поблагодарил юноша.

Погостив еще немного, Е Цзюньшу попрощался с семьей старосты и отправился домой. Он шел по узкой сельской тропе, утопающей в ночных звуках: в темноте наперебой стрекотали цикады и квакали лягушки. За всё то время, что он провел в этой эпохе, больше всего его радовало отсутствие смога и грязи. Воздух здесь был кристально чистым, небо — прозрачным, а листья на деревьях казались изумрудными даже в сумерках. Ночное небо не выглядело пустым: мириады звезд мерцали так ярко, а их теплое оранжевое сияние было настолько близким, что, казалось, до них можно дотянуться рукой.

Долго ждать не пришлось — уже через пару дней староста принес вести. Недалеко от въезда в деревню продавались два участка. Земля там была не первосортная, среднего качества, и всего два му, но Цзюньшу, немного подумав, решил их брать. Еще через пару дней дядя Жун отвез его в уездный город, чтобы оформить бумаги. Как только купчая оказалась на руках, эти два клочка земли официально стали собственностью семьи Е.

Правда, прежний хозяин уже успел засеять участки круглозерным рисом, так что передать их сразу «пустыми» не вышло. Условились на том, что Е Цзюньшу начнет обрабатывать землю самостоятельно со следующего года. После этой сделки сбережения Цзюньшу заметно поредели, но зато на душе стало спокойнее — теперь у него была своя опора.

Наступило очередное утро. Едва забрезжил рассвет, старая потемневшая дверь скрипнула, и на порог вышел четырнадцатилетний юноша. Перешагнув порог, он обернулся и заглянул обратно в дом.

— Брат уходит! Вы точно не передумали? — в звонком голосе юноши слышалась ласка.

— Не пойду! — тут же раздался звонкий ответ.

В глубине дома восьмилетний гэр, похожий на фарфоровую куколку, подхватил шестилетнего кроху, и они вдвоем поспешили спрятаться в комнате.

— Брат, мы не пойдем!

Этим юношей у двери был, конечно же, Е Цзюньшу. И подобная сцена повторялась уже не в первый раз. Цзюньшу только вздохнул. Ему было жаль, что дети вечно сидят взаперти, выбираясь разве что на прогулку по деревне, поэтому он очень хотел свозить их в город развеяться.

Но младшие упорствовали. Лу-гэр по какой-то причине наотрез отказывался ехать в уездный центр, не проявляя ни капли детского любопытства. Маленький Цинь-гэр вроде и хотел бы увязаться, но Лу-гэр его не пускал. В итоге и он оставался дома.

Сяо Шань-то горел желанием поехать, но за близнецами нужен был глаз да глаз, а оставить их только на Лу-гэра и Цинь-гэра Цзюньшу не решался. Приходилось планировать так: в следующий раз попросить аму Мина присмотреть за младшими, чтобы взять Сяо Шаня с собой.

Е Цзюньшу в одиночестве направился к месту сбора у въезда в деревню. Сегодня был базарный день, и когда он подошел, там уже собралось немало односельчан.

— Чжоу-цзы, опять в город собрался? — окликнул его кто-то.

— Да, нужно кое-какие дела уладить, — с улыбкой отозвался Цзюньшу.

С тех пор как закончился траур, он раз в несколько дней ездил в город, закупая впрок мясо и свиные кости. Теперь в их доме каждый день пахло наваристым бульоном. Раньше Цзюньшу тоже старался, чтобы дети были сыты, но рацион был скудным. За три года дети почти не выросли — только щеки оставались пухлыми, а сами они были худенькими и маленькими. Впрочем, так выглядело большинство деревенской ребятни.

Но сердце Цзюньшу сжималось от жалости. В его понимании здоровые дети должны быть крепкими и румяными.

Благодаря постоянным бульонам и мясу лица братьев наконец приобрели здоровый цвет, тельца стали крепче, и они даже немного вытянулись. Е Цзюньшу чувствовал огромную гордость и с еще большим рвением погрузился в роль «кормильца».

Сам он за это время тоже прилично прибавил в росте. По ночам он порой просыпался от того, что суставы ныли, а в костях будто что-то похрустывало. Цзюньшу давно сокрушался из-за своего невысокого роста, поэтому теперь, когда организм начал бурно развиваться, он налегал на питание и упражнения. В итоге меньше чем за месяц рукава всех его старых рубах стали коротки.

В эту поездку он планировал купить ткани, чтобы попросить аму Мина сшить ему пару новых вещей.

Жена Ху Второго тоже был здесь. Заметив, что корзина Цзюньшу выглядит довольно тяжелой, он прищурил свои маленькие глазки и пронзительно запричитал:

— Ой, Чжоу-цзы, что это ты опять в город на продажу тащишь? И сколько ж ты денег за раз

выручаешь, а?

Е Цзюньшу вежливо и мягко улыбнулся:

— Да немного совсем, тетюшка. Я просто помогаю дяде Ли доставить заказ.

Тетка Ху хотел было продолжить расспросы, но стоявшие рядом деревенские мужчины и фуланы зашумели:

— Тебе-то какое дело, сколько он выручает? Тебя он не объедает, чего пристал к парню?

— Да я ж просто забочусь о нем! Вдруг в городе обманут честного сироту? — стушевался фулан Ху Второго.

— Ишь ты, заботливый! Давай-ка я о твоём доме позабочусь: Ху Второй недавно с заработков вернулся, много ли привез?

— И то верно, колись, сколько притащил?

Фулан Ху Второго поперхнулся и замолчал.

Цзюньшу продолжал лишь безмолвно улыбаться, слушая деревенские сплетни. Народу было слишком много, поэтому место на повозке ему не досталось. Мужчины и молодые гэри шли пешком. Дорога за разговорами не казалась долгой.

Добравшись до города, сельчане разошлись по своим делам. Е Цзюньшу же направился напрямик к самому большому трактиру в уезде.

На самом деле, это было просто двухэтажное здание, самое просторное в округе. Дела там шли лучше всего, так как местный повар был мастером своего дела, и все, у кого водились лишние монетки, любили заглянуть сюда полакомиться. Дядя Ли снабжал это заведение дичью уже больше десяти лет, так что они были старыми добрыми знакомыми.

Раньше дядя Ли сам доставлял заказы, но с тех пор как Е Цзюньшу вышел из траура, эта обязанность перешла к нему. Дядя Ли доверял ему это дело, и раз за разом Цзюньшу отправлялся в путь с полной корзиной.

Благодаря этим поездкам он успел завести знакомства и с хозяином, и с работниками трактира. Уверенно миновав парадный вход, он прошел к задним дверям, ведущим напрямик на кухню.

До обеда было еще далеко, но на кухне уже кипела жизнь: кто-то мыл овощи, кто-то рубил мясо, а всем этим руководил дородный мужчина средних лет, уперев руки в бока.

Увидев Е Цзюньшу, он радушно воскликнул:

— О, Чжоу-цзы пришел!

Цзюньшу ответил такой же приветливой улыбкой:

— Здравствуйте, Дядя Пан (Толстяк).

Этот мужчина был шеф-поваром и по совместительству братом владельца трактира, так что слово его здесь имело большой вес. Он размашисто подошел к юноше:

— Ну-ка, покажи дяде, что на этот раз принес из леса.

Цзюньшу опустил корзину на пол, и повар, не теряя времени, заглянул внутрь. Корзина была доверху забита дичью. Он вытащил одну тушку за уши:

— Хм, славный косуленок, как раз к столу — будет у нас сегодня косуля в соевом соусе. И зайцы есть, и фазаны... Молодец, парень, отличная добыча! — Дядя Пан громко рассмеялся и одобрительно хлопнул Цзюньшу по плечу.

— Дядя, вы не того хвалите, — усмехнулся Цзюньшу. — Почти всё это добыл дядя Ли, у меня-то сноровки маловато.

— Да какая разница! Одно дело делаете. Ты мне лучше скажи, когда оленя принесешь? Уж я тебя не обижу, честное слово.

— Я бы и сам рад, да дикий олень — зверь капризный, тут удача нужна. Но если встречу — обещаю, сразу к вам принесу.

— Ха-ха, ловлю на слове!

Пока они болтали, дело не стояло: они быстро пересчитали добычу и принялись за расчеты. Из-за сильной жары битая дичь портилась мгновенно, поэтому подранков охотники съедали сами, а в трактир привозили только живой товар — звери были связаны или оглушены, и теперь их пересаживали в клетки.

— Итого двести сорок восемь монет. Держи ровно двести пятьдесят.

Цзюньшу принял деньги и, даже не пересчитывая, убрал в кошель.

— Спасибо, дядя. Не буду вас больше отвлекать от дел. Процветания вашему заведению!

— Твои бы слова да богу в уши, ха-ха!

Выйдя из трактира, Цзюньшу направился к лавке тканей. Сегодня в городе было непривычнолюдно, торговцы зазывали покупателей вовсю, и от их обычной вялости не осталось и следа. Оказавшись внутри лавки, Цзюньшу вдруг понял, что в тканях он смыслит чуть меньше, чем ничего...

Осмотревшись, он решился спросить:

— Хозяин, мне нужно сшить две летние рубахи. Какая ткань лучше подойдет?

Лавочник заприметил этого статного юношу еще на пороге. И не только он — покупатели тоже украдкой поглядывали на него. Несмотря на простую одежду из грубого холста, юноша совсем не походил на деревенского увальня. Если бы хозяин не был занят другими гостями, он бы давно подскочил к нему сам.

Цзюньшу не замечал чужих взглядов — он мучительно соображал, что же выбрать. Поняв, что сам не справится, он обратился за советом. Хозяин тут же расплылся в улыбке:

— О! Такой статный молодец, вам эта ткань — в самый раз! Цвет яркий, дышит хорошо. Наденете — и ни один гэр глаз от вас не отведет!

Е Цзюньшу только и смог, что промолчать: — ...

Ткань на ощупь была приятной, и он, поколебавшись, спросил:

— И сколько за чи (33 см)?

— Совсем недорого, всего восемнадцать монет за чи! — Лавочник принялся расхваливать товар так, будто это была не ткань, а небесный шелк, клянясь, что цена — сущие копейки.

Цзюньшу почувствовал подвох и уже хотел было уйти, решив попросить аму Мина помочь с покупкой, как вдруг в лавку ввалилась целая толпа односельчан.

— О, Чжоу-цзы! Ты тоже за тканью пришел?

— Здравствуйте, почтенные дяди.

Лавка мгновенно заполнилась шумными жителями деревни Ецзя.

— Ты уже купил что-нибудь? Если нет, давай с нами, гуртом дешевле выйдет.

— Еще не выбрал, — улыбнулся Цзюньшу. — Вот, хозяин предлагает эту ткань, я как раз раздумывал.

— Почем? — небрежно бросила третья тетушка. — Восемнадцать монет за чи.

Фулана будто током ударило:

— Что?! Хозяин, ты это брось! Не смей дурить нашего парня только потому, что лицо незнакомое! Восемнадцать монет? Ты что, грабить нас вздумал среди бела дня?

Другой фулан поддакнул: — Вот именно! Гляньте на качество: маркая, да и прослужит недолго!

— Но зато как дышит! В жару — самое то, она стоит своих денег! — оправдывался лавочник.

— Ха! Нам, деревенским, такая роскошь ни к чему. Либо скидывай цену, либо мы уходим!

— Ладно... Шестнадцать монет, и по рукам! — сквозь зубы выдавил хозяин.

Тетушка хлопнул ладонью по прилавку: — Четырнадцать!

Лавочник соорудил страдальческую мину:

— Помилуйте, я же в убыток себе торгую! Дайте хоть на хлеб заработать.

— Четырнадцать монет! И ни медяком больше! Подумай хорошенько, хозяин: нас тут из деревни Ецзя целая орава, каждый хоть по чуть-чуть, да купит.оборотом возьмешь!

— ...Эх, ладно! Четырнадцать! — Хозяин оглядел толпу потенциальных покупателей и сдался.

Тетушка довольно повернулась к юноше:

— Чжоу-цзы, ну, сколько тебе отмерить? Ткань эта для работы в поле не годится, но для детишек твоих — в самый раз: мягкая, легкая.

Е Цзюньшу ошеломленно молчал: — ...

— Ну же, Чжоу-цзы, присмотрись, может еще чего надо? Вместе брать будем — еще поторгуемся!

Е Цзюньшу невольно подумал: «Бедный лавочник, он же сейчас разрыдается!»

Способность этих почтенных сбивать цену была просто феноменальной! Глядя на это, юноша решил:

— Тогда я возьму полрулона. — Он прикинул, что этого как раз хватит, чтобы сшить по обновке каждому из детей. Немного подумав, он добавил: — Еще мне нужна ткань для повседневной одежды, попрочнее. Только не знаю, какой материал лучше взять.

— Это проще простого! Бери вот этот тонкий холст, — подхватил его под локоть другой фулан, увлекая в глубь лавки. — Дешево, практично, а качество — сносу не будет! — И вот этот посмотри, тоже неплох...

Когда Е Цзюньшу наконец выбрал всё необходимое и вышел из лавки, он украдкой утер пот со лба. Вид у него был слегка ошарашенный. Слишком... слишком тяжело ему давалось такое общение. По совету односельчан он набрал целую гору тканей, которые, по их заверению, «обязательно пригодятся в хозяйстве». Более того, так как всем было по пути к месту сбора повозки, сердобольные соседи вызвались помочь донести его покупки.

«Старшие — это сила!» — восхищался Цзюньшу. Эта вылазка сэкономила ему приличную сумму. Он решил, что ему определенно стоит поучиться искусству торга.

Он шел по торговым рядам, разглядывая прилавки. Повсюду были разложены всякие безделушки: глаза разбегались от пестроты и изобилия. Всё, что казалось ему интересным, он покупал для детей, попутно пробуя торговаться сам. Сначала было неловко, но, видя, что для местных это в порядке вещей, Цзюньшу вошел во вкус. Пусть удавалось скинуть всего монету-другую, в сумме выходила приятная экономия. Он купил нарядные ленты для волос Лу-гэру и Цинь-гэру. Цзюньшу видел, что другие маленькие гэри любят вплетать такие в косы, и не хотел, чтобы его братья чувствовали себя обделенными. Пока позволяли средства, он не собирался на них экономить.

Закончив с игрушками и украшениями, он заглянул в лавку бакалейщика, где купил несколько мешков муки и риса. И лишь когда корзина была почти полна, он свернул к мясному рынку.

В базарный день здесь было особенно людно. Все хотели купить хоть немного мяса, чтобы побаловать домашних, поэтому у обоих мясных прилавков выстроились длинные очереди. Цзюньшу пристроился в хвост одной из них. Очередь двигалась быстро. Вскоре подошел и его черед.

Помогавший отцу паренек узнал его и улыбнулся:

— Брат Цзычжоу, зашел-таки!

Свирепого вида мясник поднял голову и тоже расплылся в улыбке:

— О, Чжоу-цзы! Снова за мясом?

— Здравствуйте, дядя Лэй, здравствуй, Пань-гэр, — улыбнулся Цзюньшу. — Гляжу, торговля сегодня бойкая!

Одного взгляда на прилавок хватило, чтобы понять: дядя Лэй сегодня забил двух свиней вместо обычной одной.

— И не говори, грех жаловаться! — Дядя Лэй радушно указал тесаком на туши. — Выбирай, что по душе, я тебе со скидкой отдам.

— Спасибо, дядя Лэй. — Цзюньшу не стал скромничать: — Взвесьте мне десять цзиней сала, пять — грудинки и два — постного. И те косточки тоже заберу.

С тех пор как траур закончился, они готовили только на свином жире, и расходился он быстро. Цзюньшу решил натопить побольше — жир долго стоит и не портится.

— Будет сделано!

Часто заходя сюда, Е Цзюньшу узнал, что характер дяди Лэя был полной противоположностью его внешности. Несмотря на грозный вид, он был человеком добродушным и спокойным, вывести его из себя было почти невозможно. Сельчане давно это знали и ничуть его не боялись. Как выяснилось, в тот его первый визит мяса на прилавке оставалось много только потому, что заказчик, обещавший забрать тушу для пира, в последний момент передумал. Любой другой на месте мясника устроил бы скандал, но дядя Лэй лишь мирно ответил: «Раз не нужно — значит, продам другим».

— Итого двести пять монет. Округлим до двухсот. Спасибо за покупку! — Пань-гэр, сын мясника, звонким голосом объявил сумму.

Его глаза так и лучились задором, когда он протянул руку за деньгами. Пань-гэр был единственным ребенком. Его папа-гэр умер при родах, и дядя Лэй души не чаял в сыне. Боясь, что мачеха может обидеть ребенка, он так и не женился снова, вырастив мальчика в одиночку. В базарные дни Пань-гэр всегда помогал отцу, а в обычное время приносил ему обеды — там Цзюньшу с ним и познакомился.

Парень пошел красотой в папу-гэра: белокожий, губы алые — настоящий красавец. Ему было семнадцать, скоро восемнадцать, и по деревне вовсю ползли слухи, что Пань-гэр вот-вот обручится.

Отдав деньги, Цзюньшу поддразнил его:

— Пань-гэр, ты сегодня прямо сияешь. Уж не хорошие ли вести на пороге?

Тот мгновенно залился краской, но, не желая пасовать перед парнем, который был младше него, напустил на себя суровость:

— Даже если и добрые, тебя на свадьбу не позову!

Дядя Лэй захохотал во всё горло:

— Сговорились уже, сговорились! Весной Пань-гэр выходит замуж, так что обязательно приходи!

Он долго выбирал сыну достойную партию и теперь готов был трубить об этом на весь свет.

— Поздравляю! Обязательно приду, если угостите чаркой свадебного вина.

— Иди уже, не занимай место, людям торговать мешаешь! — вконец засмутившийся Пань-гэр принял в шутку выпроваживать его.

Цзюньшу рассмеялся: — Прощайте, дядя Лэй. Еще увидимся!

С полной корзиной мяса и довольной улыбкой Цзюньшу зашагал прочь. За прогулками по лавкам время пролетело незаметно — прошел почти целый день. Пора было возвращаться.

— Танхулу! Кому сахарную клюкву на палочке! — закричал разносчик.

Цзюньшу еще утром слышал этот крик, но побоялся, что на жаре глазурь растает. Теперь же он нашел торговца и купил две палочки. Бережно упаковав их в корзину, он со спокойной душой пошел к повозке.

<http://bllate.org/book/15226/1354176>